

Так как Гвидо был оправдан французским верховным судом, то вполне понятно, что он пожелал видеть подтверждение своих верховных прав через усвоение за ним более высокого титула. Так как Ахайя была княжеством, то честолюбие Гвидо должно было побуждать его искать титула герцога, подобно тому, как этого сана добился и Санудо в качестве властителя Наксоса и как его носил венецианский правитель Крита. Впрочем, герцогский титул настолько приличествовал властителю Афин, что еще летописец de Trois Fontaines придавал его уже первому ла Рошу. Западные поэты употребляли этот же титул, придавая его, как бы древнее понятие, мифическому основателю города Афин. Гиббон заметил, что Боккачио в Тесеиде, Чаусер в одном из своих «*Canterbury tales*» и Шекспир во «Сне в летнюю ночь» называют древнего Тесея Афинского герцогом.

Точно так же Рамон Мунтанер, историк каталонцев и современник Данте, представлял себе гомерического Менелая под видом «афинского герцога». А именно он рассказывает, что на мысе Артаки в Малой Азии находилась одна из троянских застав, недалеко от острова Тенедоса, куда обыкновенно в определенный месяц отправлялись знатные мужчины и женщины Романии, словно паломники, для поклонения божественному изваянию. И вот когда однажды Елена, супруга герцога афинского, отправилась туда в сопровождении сотни рыцарей на поклонение, ее приметил сын троянского короля Парис, умертвил всю ее свиту, состоявшую из 100 рыцарей, и похитил красавицу-герцогиню.

Нежданное отличие, оказанное Гвидо королем Франции, должно было глубоко оскорбить князя морейского, если только какие-либо иные распоряжения Людовика IX, о коих, впрочем, нам ничего не известно, не подействовали на него примирительно. Весьма вероятно, что именно тогда за ним и были обеспечены державные права над Фивами и Афинами. Возвышение мегаскира, впрочем, находилось в зависимости от свершившейся в Греции катастрофы, которая внезапно низвергла с высоты величия победителя при Кариди, а побежденного сразу сделала здесь столь могу-